

Одуванчики

— Дед или бабка?

— Чего?

Илюша поднимает липкие глаза на дедушку и тут же морщится от яркого солнца. Так жарко и душно, как в мешке, что дед с внуком сползли со скамейки на прохладную траву и долго сидели, молча прислонившись к белёному палисаднику. Трудиться сегодня было совершенно невозможно, да и погода, Бог дал, позволила переделать всю работу наперёд. Красная ниточка ртуты в термометре, как тонкая гусеница на черёмухе, тянулась к сорока. И лежать бы сегодня до вечера под тенью кустов. — Дед или бабка? — дед Христик упрямо протягивает мальчику одуванчик.

— Ну, пусть будет дед!

Илюша недоверчиво смотрит на пушистый, как кроличья лапка, белый цветок: мол, стоит ли эта игра внимания? Весь день палит, что лишний раз и шевелиться не хочется. Вдали на объездной гравийной дороге проехала первая машина за полчаса, подняв рыжий лисий хвост пыли. Прохожих так и вовсе не было с самого утра. Тоска. Только ласточки всё так же резво пикируют к земле.

— Дуй! — дед улыбается.

Илюша весь в сомнениях: не дурачат ли его?

— Ну же!

Илюша набирает полный рот воздуха и дует на одуванчик. Дед Христик внимательно рассматривает остатки пуха на несчастном цветке.

— Кажется, бабка...

— Это ещё почему? — Илюша приподнимается на колени и тоже разглядывает цветок.

Дедушка делает вид, что не слышит.

— Ну точно! Бабка! Определённо, бабка! — подводит итог с видом опытного ботаника.

— Да почему же? — Илюша возмущённо вскакивает на ноги.

Дед смотрит на него и смеётся. Гладит по светлой голове. Вытирает щёку — Илюша где-то запачкал.

— Смотри, — дед жестом предлагает Илюше сесть обратно. — Если бы ты сдул весь пух, то получилась бы лысина, как у деда. А ты тут оставил немного, прямо на макушке, как у бабки! Понимаешь?

Илюша немного думает, затем заливается звонким смехом на всю улицу.

— Так что ж ты, деда, сразу не сказал? Я бы тогда посильнее дунул! Я если б захотел, я бы со всей поляны бы сдул одуванчики!

— Как тот волк в сказке?

— Как волк! В сказке про поросят!

Дед хохочет.

— Погоди, погоди! А хочешь фокус? Другой.

— Хочу! — голубые глаза Илюши заблестели, и он садится напротив деда; сказки и волшебство — это его любимое занятие.

Дед срывает ещё один одуванчик.

— Глаза закрой, а рот открой! — командует дед Христик в рифму.

Илюша, не думая, зажмурился и широко-широко открыл рот, показав прорехи между молочными зубами. Дед, не мешкая, сунул ему одуванчик в рот, да поглубже, и закашлял добрым стариковским смехом.

— Плохой фокус! Глупый! — Илюша выплёвывает пух и сам же улыбается своей наивности.

Дед ещё долго смеётся, и они оба ложатся на траву. Недалеко домашняя утка, переваливаясь, пасёт своих жёлтых утят, она не отходит от корытца с водой. Кошка крадётся по забору, как по канату, высматривая воробьёв на рябине. Высоко, еле видно, кружит коршун. Дед расстёгивает верхние пуговицы своей рубахи. Кожа коричневая и жёсткая на шее, а под рубашкой белая, как молоко. — Жарко, правда, деда?

— Правда, Илюша. Июнь нынче жаркий.

— А ещё больше половины лета впереди, да, деда?

Дед щурится на Илюшу и улыбается краем губ. — У тебя, Илюша, ещё много лет впереди. И зим, и вёсен. Много всего, Илюша. Ты только не торопись. — А у тебя, деда? Много лет впереди?

Глаза деда тут же намокают. В последнее время его глаза часто намокают и краснеют. Он отводит взгляд и теперь наблюдает за коршуном в небе.

— Много, — сказал он еле слышно.

— Деда, а мама с папой приедут за мной? — Илюша переворачивается на живот и ждёт ответа, хотя задавал этот вопрос сегодня уже сто раз.

Дед Христик пару мгновений молчит, а затем также переворачивается на живот. Только тяжелее, со стоном. Кости его долговязого тела ломит. — А знаешь что, Илюша, я научу тебя. Слушай. Возьми-ка себе тот одуванчик. Да, тот, покрупнее,

срывает его! Вот! Знаешь ли ты, что одуванчик—это волшебный цветок? Да-да. Закрой глаза, загадай желание и никому не говори его, а если ты сможешь сдуть все пушинки с цветка, то тогда твоё желание исполнится. Попробуешь?

Илюша улыбается, быстро кивает, набирает побольше воздуха и... замирает.

— А ты не шутишь, дед?

— Нет, Илюша, в этот раз не шучу. Разве можно?..

— Тогда возьми и ты!—Илюша срывает ещё один круглый одуванчик и протягивает его деду.— А ты такой шутник, что опять обманешь меня как-то, а я останусь в дураках. И тоже загадывай желание!

— Хорошо, договорились!—дед Христик взял цветок двумя большими пальцами и сел на траву. На коленях остались мокрые зелёные пятна.— Начали?

— Ты загадал?

— Загадал.

— Какое?

— Так не сбудется же...

Илюша до хруста сжал стебель в маленькой ладошке, снова набрал воздуха во все лёгкие, надул щёки, покраснелся и долго и сильно дул на свой одуванчик, пока тот не остался совсем голым.

— Смотри, дед, моё исполнится!—Илюша машет перед глазами дедушки чистым стеблем.— Моё исполнится! Исполнится! А твоё, дед? Ты весь пух сдул?

Илюша с беспокойством наклоняется к деду.

— Весь, Илюша! Весь!—дед Христик стыдливо, будто украл колосок с колхозного поля, прячет в кулаке одуванчик.

Илюша вскочил на ноги и стал бегать по поляне, гоняя в траве кузнечиков и вызывая недовольство толстой кряквы. Все его желания исполнятся! И совсем скоро! Распугал задремавших воробьёв, и кошка раздосадованно облизнулась и ушла обратно.

Дед смотрит на свои ладони. Все в мозолях и трещинах. Заусеницы на пальцах. Сколько черенков от кос перетёрлось в этих ручищах, сколько гаек было сорвано на тракторах, а сколько паскуд было оттаскано за голубые грудки кителей. Что ж, жизнь прожить—не поле перейти. И лёгкие уже совсем ослабли. Вон, даже неженка-одуванчик вышел победителем.

— Илюша, пойдёшь сюда на минутку! Скорее, всего на минутку.

Илюша подбегает, останавливается, тяжело дыша, и дед берёт его за тонкий локоток. Он может обхватить его двумя пальцами.

— Ты же понимаешь?—дед Христик поправляет внуку воротник рубашки.—Илюша, ты не просто загадал своё желание и подул на цветок. Ты также помог многим другим людям исполнить свои желания!

— Как так?—Илюша чешет непослушный волос на затылке.

— Пух! Эти маленькие парашютики!—дед дрожащими пальцами завязывает шнурок на ботинке мальчика: заячье ушко, заячье ушко, узелок.— Это же семена! Ты дунул, и они разлетелись по всей поляне, как бабочки, нашли себе новый дом. Совсем скоро из этих семян вырастут новые одуванчики, которые сорвут другие люди и загадают свои желания, которые тоже исполнятся. Понимаешь?—почему-то деду Христику было важно, чтобы Илюша его сейчас понял.

— Кто ж их тут сорвёт? Тут никто не ходит...

— А это не важно! Может, не сейчас, может, через сто лет, а может, и через тысячу. Люди приходят и уходят, а твои одуванчики тут будут всегда. Илюша, ты делай то, что можешь. Если можешь, сделай добро. Если не можешь добра, то хотя бы не делай дурного. А то, что будут делать другие,— это ладно, это не важно. Как бы ни было вокруг, ты должен быть лучше, хотя бы чуточку лучше, Илюша! Понимаешь?

— Да, дед, я всё понял. Дед, ты себя хорошо чувствуешь?

Илюша тревожно смотрит прямо в помутневшие то ли от слёз, то ли от чего-то ещё голубые глаза.

— Что?

— Ты не заболел, дед?

— А? Нет, всё хорошо, Илюша. Всё хорошо. Ты беги в хату, пожалуй, баба уже накрыла обед. Она блины стряпала. Со сметаной или с вареньем, как хочешь! Беги. И постой! Скажи бабе, чтобы вышла ко мне. Скажи ей, что я здесь,—добавил уже шёпотом, а может, просто подумал.— Я здесь... полежу. Я полежу ещё маленько на траве. Устал что-то...

Илюша вприпрыжку побежал домой, шнурок снова развязался. А дед Христик лёг на прохладную траву и широко раскинул руки, как Христос, но не в таких мучениях. Одна из рук была в пуху от одуванчика. Парашютики прилипли к влажной ладони.

А на западе, на горизонте, собирались тучи. Небо мазалось сливовым цветом. Это значит, будет дождь.

Пугало

Эту невероятную историю рассказал мне изрядно подвыпивший пожарный в одном из тех многочисленных пабов, в которых я часто бывал в молодости. Это случилось настолько давно, что того пожарного, наверное, уже и в живых-то нет. По моим примерным подсчётам, ему теперь должно быть порядком за сто лет. Надо же, столько всего уже позабылось, а эта история мне запомнилась, вьелась в память.

В правдивости рассказа пьяного пожарного можно бесконечно сомневаться, можно вовсе этому не верить, но мне кажется, что эта история вполне могла случиться. Во всяком случае, я не вижу причин, почему этого не могло бы быть.

Я зашёл в тот паб немного после полудня, чтобы освежиться кружкой пива в жаркий день. Здесь предлагали весьма сносный ирландский эль, а с ирландцами меня связывала не только любовь к пиву и кулачным боям, но и страсть к литературе. Обычно в это время в пабах никого не бывает, поэтому мне и нравилась эта обеденная пора.

Но в этот раз за стойкой уже сидел некий мужчина в кафтане серого сукна и растянутых шароварах. Рядом с собой он положил помятый медный шлем с высоким гребнем. Шлем местами подёрнуло зеленью, как это иногда бывает со старой медью. Нетрудно было узнать в этом посетителе пожарного.

Я подсел тут же за стойку, через стул от него, и заказал себе пиво. Пока ждал свою кружку, закурил папиросу. В те давние времена в пабах разрешалось курить и повсюду стояли переполненные пепельницы и плевательницы. Треск разгоравшейся спички словно разбудил пожарного, и он медленно повернулся ко мне, хотя до этого не обращал на меня совершенно никакого внимания.

На вид ему было много больше пятидесяти лет, скорее даже — ближе к шестидесяти, но, несмотря на это, спину он держал ровно, да и весь торс его был крепким, жилистым, хотя и сухим. Рукава закатаны по локоть, а на предплечьях и кистях — старые кривые, вразной, накладки: пожарные шлем и топор, разгорающееся пламя и полуголая девица в непотребной позе. Длинные чёрные усы были лихо закручены, а виски и затылок недавно выбриты. Он смотрел на меня бледно-голубыми глазами и слегка улыбался.

Я молча затушил спичку, выпустил струю дыма под потолок и вопросительно посмотрел на него. Признаться, мне тогда показалось, что этот мужчина перебрал пива и теперь ищет драки.

— Осторожней, не сторгите, как то Пугало, — пожарный зачем-то показал кривым пальцем на мою грудь и засмеялся.

Оказывается, уголёк с папиросы упал мне на рубашку и едва не прожёт её. Я смахнул искорку. — Пугало? — переспросил я, будучи уверенным, что меня хотят оскорбить.

— Да, как то самое Пугало! Вы не слышали про Пугало, которое сгорело?

Бармен наконец-то подал мне мою кружку пива с толстым слоем белой пены и вытер мясистые волосатые руки о фартук.

— Не слышал я ни про какое пугало, — я с удовольствием сделал пару больших глотков.

Пожарный разочарованно покачал головой, глядя в свой стакан, потом снова улыбнулся и уже полностью развернулся ко мне.

— Похоже, вы и вправду ничего о нём не слышали. — Ничего.

— Так я вам расскажу.

Я безразлично пожал плечами, как бы показывая, что мне неинтересно, но из вежливости готов выслушать, если это не займёт много времени. — Жило у нас на окраине города Пугало, — прокашлявшись, начал пожарный. — Обычное Пугало. С деревянной крестовиной в основании, плотно набитое старой соломой. Носило широкую красную рубаху в клетку, какую часто носят фермеры на Западе, носило грязный драный комбинезон и нелепую дурацкую шляпу. В общем, выглядело Пугало именно так, как и положено выглядеть пугалу.

Я снисходительно улыбнулся, но не стал возражать.

— Каждое утро Пугало ходило на работу. У местного крестьянина был огород, где он выращивал кукурузу, капусту, репу и всё прочее, что в большинстве случаев выращивают здешние крестьяне. Пугало целый день гоняло по огороду ворон и сорок, которые так и норовили сесть на грядку. После того Пугало помогало крестьянину перенести мешки с урожаем или вскопать землю. За это оно получало свои скромные, но честные несколько монет и вечером, уставшее, возвращалось домой.

У Пугала и жена была. В белой блузке и красной юбке в горошек. Тоже пугало, набитое толстой золотистой соломой. И так Пугало любило свою жену, уж очень крепко, постоянно после работы зайдёт на рынок и купит ей то пряников, то голубики, то халвы, то ещё каких сладостей. На что ума хватит. Выкраивало постоянно из своих грошей, как какой-то прыщавый гимназист.

А дома прижмётся к ней и шепчет ей на ухо трепетно и нежно: «Мя, мя, мя...»

— «Мя, мя, мя»? — переспросил я.

— Да. «Мя, мя, мя», — удивился пожарный. — Так все пугала разговаривают. Неужели вы и этого не слышали? Мявкуют, почти как котята. Не то чтобы жалостливо или протяжно. Как бы правильной сказать? Как глупые котята. Словно мамку ищут. Скорее, «мяв, мяв, мяв», а впрочем, что-то среднее между «мя» и «мяв». Да. Так о чём это я? Одним словом, джоже любило Пугало свою жену. Детей только вот у них не было.

— И в самом деле, как же они детей заведут, если оба пугала? — ухмыльнулся я.

Пожарный оскорблённо фыркнул.

— Вы послушайте, послушайте, молодой человек. До конца послушайте. Быть может, так окажется, что это Пугало ещё больше человек, чем я или вы, — пожарный одним глотком допил своё пиво и вытер усы. — Впрочем, жена-то от него вскоре ушла.

Причин, разумеется, никто не знает. Да ведь бывает и так, что и нет весомых причин для развода, а развод всё равно случается. А иногда наоборот: причин — что блох у дворняги, а ничего, живут вместе, не расходятся. Сложно во всём

этом разобраться. Поговаривают, что ушла жена к другому пугалу, у которого и рубашка поцелее, и дырок на шляпе меньше. Да мало ли чего говорят? На молву ведь нет суда.

Так или иначе, осталось Пугало одно в своей скромной лачуге. Печалилось оно страх как. Бывало, вернётся под вечер с огорода и сидит на табуретке молча всю ночь. Хорошо ещё, если по дороге хвороста соберёт и печку растопит, а то, бывало, и в холодной комнате всю ночь пробудет. Тут уже не до пряников, не до халвы: перекусит Пугало печёной луковицей—и сыт весь день.

Крестьянин тот, у которого Пугало работало, больно уж ушлым оказался. Под это дело часть заработной платы стал работнику водкой отдавать. Понял же, мерзавец, что Пугалу всё без разницы стало. В итоге Пугало и выпивать стало. Нальёт себе стакан перед сном, тогда и забывается, спит крепче. Утром поправится половинкой стакана—и снова на работу.

Пожарный попытался выжать что-нибудь ещё из своего стакана, но тот был безнадежно пуст. Пожарный облизнул губы. Я своё пиво тоже почти допил и заказал ещё. Потом нехотя жестом показал бармену, чтобы тот и собеседнику налил за мой счёт. В конце концов, надо же было дослушать историю.

Мы выпили свежего пива, пожарный довольно крикнул и продолжил, не смахнув белой пены с усов:

— Так и шло Пугало в очередное утро на работу, с похмелья, повесив тяжёлую голову. Засветло, темно ещё было, потому как к пяти утра Пугалу уже надо быть на огороде, раньше, чем птицы просыпаются. А то какое же это дело, если птицы раньше него явятся и поклюют всё, что можно?

Может быть, Пугало здорово задумалось или даже задремало, а скорее всего, что повозка ехала с огромной скоростью. Конечно, повозка... Ведь если бы Пугало заранее увидело её, то обязательно бы уступило дорогу, таков уж был его характер. Но авария всё-таки произошла. Наехала повозка из-за угла на Пугало так, что отлетело оно на три широких шага в лужу. Даже солома повылазила из всех щелей.

Но это ещё полбеды. Пугало бы встало, отрянулось и дальше пошло. А настоящая беда была в том, что в повозке ехал какой-то коллежский ассессор. Возвращалось его высокоблагородие под утро пьяное с очередной ассамблеи, а может, от любовницы. Тут же он выскочил из повозки так, что кастановую шляпу уронил на землю, в грязь, и, не оправив костюма, кинулся к Пугалу. Схватил его за грудки, не давая подняться, и начал трясти, дыша в лицо перегаром.

«Ты что, чучело огородное,— кричит ему,— не видишь, дурак набитый, куда прёшь? Так я тебя сейчас проучу, будешь у меня в оба по сторонам смотреть!»

А Пугало только голову в плечи глубже втягивает.

«Мя, мя, мя»,— испуганно бормочет, глаза прячет от страха.

Коллежский ассессор схватил Пугало за шкуру и потащил к повозке.

«Смотри,— кричит,— что ты наделало!»

И показывает ему на треснувшее колесо повозки. Колесо и правда было треснувшее и покосившееся, но ведь кто ж знает, когда оно треснуло? Может быть, оно от крутого виража сломалось.

«Кто мне теперь ремонт оплатит, а?— брызгал слюной ассессор.— У тебя ж, у беспорточного, только вошь в кармане! Что я с тебя возьму?»

«Мя, мя, мя»,— тихо летело Пугало, не понимая, чего от него хотят.

То есть оно, конечно, знало, что натворило что-то ужасное, но как теперь быть, совсем не понимало.

«А вот знаешь, что я сделаю теперь? А я тебя засужу! Чтоб таким, как ты, лохмотникам неповадно было чужие повозки портить!»

А после того коллежский ассессор ещё и наградил Пугало смачным пинком под зад.

Пожарный по-матерному ругнулся и от негодования даже стукнул кулаком по стойке так, что его пожарный шлем подпрыгнул.

— А дальше-то, дальше что было?— нетерпеливо спросил я, потому что пожарный надолго углубился в свои мысли.

— Что дальше? Судили Пугало, как полагается.

Тот самый ассессор во всех красках описал случившееся, разумеется, перевернув всё в выгодную для себя сторону. Ещё и руку перебинтовал—якобы повредил её при столкновении. Чтоб его черти гоняли! Крестьянин от Пугала откестился, сказал, что тот никогда у него не работал и поручиться за него он никак не может. Наверное, испугался, не хотел себе коллежского ассессора во враги заиметь, а может, ему и денег дали, чтобы он так сказал. Да что крестьянин? Даже бывшая жена Пугала на суд не соизволила явиться. Когда судья спросил Пугало, что оно может сказать в своё оправдание, Пугало только что-то невнятно промявкало.

«Говорите по существу»,— строго предупредил судья.

«Мя, мя, мя»,— повторило Пугало, но ещё тише.

Короткий был суд. В счёт поломанной повозки у Пугала отняли его хибару, да и та, наверное, не окупала всего ущерба. Само же Пугало бросили в тюрьму, потому как доктор сказал, да и судья сам это видел, что Пугало совершенно не может жить с людьми, а, пожалуй, даже и представляет угрозу для них. На том и порешили: пусть Пугало сидит в тюрьме. Я точно не знаю, сколько лет Пугало провело в тюремной камере,— сказал пожарный, отпил дарового пива и хитро улыбнулся.— Но оно всех перехитрило.

В очередной свой день заключения Пугало молча лежало на сыром полу одиночной камеры. Из зарешеченного окна было видно только кусочек голубого неба. В дождливую погоду в это окно затекала вода. Тут лязгнул засов на тяжелой двери, и в камеру заглянул розовощёкий тюремный надзиратель.

«Утебя тут всё в порядке?»— лениво спросил он.

Это был обычный ежедневный обход. Пугало вскочило на ноги и вытянулось стрункой, как на параде.

«Мя, мя, мя»,— простосердечно ответило Пугало.

«Хорошо»,— надзиратель уже собирался запеть дверь.

«Мя, мя, мя»,— громко закричало Пугало.

«Чего тебе?»

Пугало рукой постучало себя по губам.

«Есть хочешь?»

Пугало отрицательно покачало головой.

«Пить? Опять нет?»

«Мя, мя, мя»,— терпеливо объяснял Пугало.

«А чего? Курить?»— надзиратель удивился.— Ты же никогда не курило!»

Пугало виновато пожало плечами и глупо улыбнулось. У тюремного надзирателя никогда не было проблем с Пугалом, оно всегда соблюдало тишину после отбоя и держало порядок в камере, поэтому он не отказал ему в маленькой просьбе. Достал папиросу из портсигара и дал Пугалу.

«Мя, мя, мя!»

«Ну чего ещё? А, прикурить?»

Тюремный надзиратель зажёл спичку, подождал, пока Пугало прикурит, и вышел из камеры дальше проводить обход.

Пожарный посмотрел на меня, и глаза его блеснули.

— Тюремщики говорят, что просто это Пугало было такое глупое и неуклюжее, что уронило окурочек себе за шиворот,— пожарный ощерился.— Но я лично так не считаю. Я вот как думаю. Наверное, Пугалу так постылила его жизнь... У него ведь ничего не осталось, верно? Начиная с жены. Потом у него и дом отобрали. Какой-никакой, а это был его дом. Убогий, косой, но угол. Работу. Пугало любило свою работу, у него хорошо получалось разгонять ворон. Я даже скажу, что ни у кого в городе не получалось это лучше, чем у него. Да чего там, я готов держать пари, что за всё время ни одна ворона не посмела подлететь к той кукурузе, которую сторожило Пугало. Но самое

главное—его лишили права на справедливость. Там, в суде. Ведь даже самый маленький человек должен иметь такое право. Ну хоть на какую-то справедливость. Когда котёнка в порыве гнева незаслуженно пнут, чтобы не путался под ногами, так даже и он обижается.

И главное, как у него это всё отняли! Вмиг, в одно мгновение. Не оставив ни единого шанса побороться за своё, будто уличный вор вырвал монетницу из рук старика и сбежал. Ничего из этого Пугало уже вернуть себе не могло. Но у него ещё оставалась сама его жизнь. Думается мне,— пожарный медленно и тщательно подбирая слова; он говорил уже скорее не мне, а себе,— думается, что Пугало не захотело отдать им последнее—свою жизнь. А захотело оно само распорядиться ею. Распорядиться самому. Хоть чем-то. Хоть какое-то последнее право. Это был... если угодно, это был протест.

Раскурив папиросу, Пугало расстегнуло пуговичку у себя на груди и сунуло, впихнуло, вдавило туда окурочек, в самую солому. Наверное, даже прижало подбородок к груди, вытянуло губы трубочкой и дунуло на огонёк. Соломенное Пугало стораёт меньше чем за минуту,— со знанием дела отметил пожарный.— Если в тюремной камере было совсем сыро, то, возможно, за две минуты. В любом случае, когда мы подъехали на пароконном ходу с бочкой воды, пока доковыляли... В то время пожарные команды набирались ведь из инвалидов, из солдат, не способных к строевой службе, как я, например. В общем, нам оставалось только смести на лопату пепел от Пугала. Маленькая горстка пепла— вот и всё, что осталось от Пугала, от всей его жизни, от всей его любви и работы.

Мы ещё немного молча посидели, допили выдохшееся пиво. Я стал прощаться. Пожарный взял было в руки свой шлем, будто собирался надеть его, но тут же положил его на место и еле заметно кивнул мне. Уходя, мне захотелось тронуть его за плечо, но я не стал этого делать. Пожарный подкрутил усы и остался сидеть за той барной стойкой.

С тех пор, когда я вспоминаю эту невероятную историю, рассказанную мне подвыпившим пожарным, некоторые мысли не дают мне покоя. Я часто думаю: а много ли у меня есть того, что у меня в одночасье не смогут отнять? И сильно ли я отличаюсь в этом плане от того Пугала? Но самое главное: хватит ли мне смелости в нужный момент вдавить в себя окурочек?